

die Form der Gewässer bezeichnenden, attributive Wörter enthaltenden Namen. In der Arbeit gibt es 68 Verbreitungskarten. Natürlich kann die Verbreitung der Namen auch durch sprach- und kulturgeographische und durch historische Erscheinungen beeinflusst werden. Die Modelle der Namengebung sind an die Natur (Form, Lage) des Ortes gebunden. Gleichzeitig weist der Autor warnend darauf hin, daß zwischen der Natur des Ortes, dem Motiv und dem Prinzip der Namengebung keinerlei Verbindung zu bestehen braucht. Dessen muß man eingedenk sein, wenn man die Ortsna-

men zu kulturhistorischen Schlußfolgerungen benutzt. Fest steht aber auch, daß die Erforschung der Namenmodelle es gestattet, genauer die Herkunft der Ortsnamen zu ermitteln, und bessere Voraussetzungen schafft, siedlungsgeschichtliche Schlußfolgerungen zu ziehen. E. Kiviniemi hat mit seinem methodisch konsequenten und materialreichen Buch einen großen Schritt in dieser Richtung getan. Mit Interesse warten wir auf seine neuen und ebenso gründlichen Forschungsarbeiten.

JAAK SIMM (Tallinn)

<https://doi.org/10.3176/lu.1978.3.10>

А. В. Пунжина, Именные категории в калининских говорах карельского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Петрозаводск 1977.

19 декабря 1977 года на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете успешно защитила кандидатскую диссертацию А. Пунжина. Официальными оппонентами были профессор А. Кюннап (Тарту) и кандидат филологических наук А. Лаанест (Таллин).

Автор рецензируемой работы поставила перед собой задачу: систематически изложить сведения об именных категориях калининских говоров карельского языка, привлекая по возможности данные других прибалтийско-финских, а также дальнеродственных финно-угорских языков. Актуальность темы очевидна, так как именные формы карельского языка изучены неравномерно, фундаментальные исследования по вопросам морфологии карельского языка отсутствуют. Именное словозменение калининских говоров карельского языка до сих пор предметом специального исследования не было. При систематическом изложении сведений об именных категориях калининских говоров автор старается кратко показать также происхождение соответствующих суффиксов, их функционирование и семантику, сжато описать различные способы выражения именных категорий,

В 1966—1973 гг. А. Пунжина собирала языковой и фольклорный материал по калининским говорам карельского языка, который лег в основу диссертации. Она правильно показывает, что именное словозменение рассматриваемых говоров имеет только для них характерные черты, общие с некоторыми другими карельскими диалектами особенности и ряд черт, свойственных отдельным прибалтийско-финским языкам. Среди рассматриваемых говоров особое место занимает зубцовский: именно он характеризуется рядом индивидуальных черт (в состав калининских говоров входят зубцовский, толмачевский и весьегонский). Работа в целом отличается добросовестным и точным анализом материала.

Во введении приводятся основные данные по изучению истории калининских карел, краткие сведения о карельском языке и его диалектах. Автор отмечает, что калининских карел среднего возраста можно считать билингвами, в одинаковой степени владеющими русским и карельским языками и свободно переходящими с одного на другой язык в зависимости от обстановки. В условиях билингвизма контактирование касается всех сфер языка, особенно лексики и синтаксиса, причем лексику автор считает более показатель-

ной. Правильно подчеркивается, что калькирование синтаксических моделей русского языка приводит к заметным изменениям структуры карельского языка. Далее автор дает краткую характеристику древнейших письменных памятников карельского языка и первых печатных изданий, пишет о создании карельской письменности и собирании карельского фольклорного и языкового материала в Калининской области. Затем следует обзор изучения именного словоизменения в карельском языке.

Первая глава посвящена категории числа. Автор подразделяет имена на употребляемые 1) как в единственном, так и во множественном числе, 2) только в единственном, 3) преимущественно или в определенных значениях в единственном. Вызывает удивление утверждение автора, что в хантыйском и камасинском языках показатель мн. ч. *-t* выступает в качестве лично-притяжательного суффикса предиката в 3-м лице мн. ч. (стр. 52). Как это понимать? И почему только в этих языках? Здесь необходимы доказательства. Далее выделяются группы слов в рассматриваемых говорах, употребляемые только или преимущественно во множественном числе. Показателем его в номинативе выступает *-t*, в косвенных падежах — *-i-*; кроме того, в говорах имеется общекарельский показатель мн. ч. *-loi-*, *-löi-*. В зубцовском говоре наблюдается плеоназм в употреблении показателей мн. ч. *-i-* и *-loi-*, *-löi-*.

Во второй главе рассматривается категория лично-притяжательности в говорах. Выясняется, что в рассматриваемых говорах употребляются в основном общекарельские лично-притяжательные суффиксы; автор показывает, однако, что здесь они используются значительно реже, чем, например, в севернокарельских говорах собственно-карельского диалекта. В калининских говорах довольно широко распространен способ передачи лично-притяжательности аналитическим способом, т. е. с помощью личных местоимений.

Автор правильно подходит к проблеме отграничения послеложных конструкций от падежных форм послеложного происхождения. На этом основании в третьей главе анализируются падежные формы говоров. А. Пунжина приходит к выводу, что падежная система в основ-

ном совпадает с системой падежей в прибалтийско-финском праязыке. Интересны наблюдения над переходом послелогов в падежные окончания. Автор показывает, что калининские говоры карельского языка в отношении сохранения окончания паритива *-ja*, *-jä* приближаются к севернокарельским и валдайским говорам собственно карельского диалекта, а также к ижорскому языку и восточным говорам финского языка.

В четвертой главе автор рассматривает категорию степеней сравнения. Здесь мы тоже находим ряд новых данных о выражении степеней качества в рассматриваемых говорах с помощью суффиксов (*-hko*, *-hkö*; *-ttava*, *-ttävä*; *-va*, *-pa*, *-ppa*) и о выражении сравнения некоторыми морфологическими и синтаксическими способами (суффикс экватива *-une*, *-üne*; *ühtä* + паритив; суффикс *-lleh*, *-lleh*; эссив; (*niin*) *ku(i)n* + положительная степень и др.).

Исторические экскурсы А. Пунжиной часто носят несколько формальный характер: реферируются точки зрения многих исследователей уральских языков относительно прафинно-угорского или прауральского языкового состояния, констатируется, что те или иные суффиксы калининских говоров карельского языка восходят к общефинно-угорской или уральской основе. С другой стороны, она приводит интересный и уникальный материал по своим говорам, но не всегда объясняет происхождение конкретных суффиксов. Никто не может требовать от описательно-сопоставительного исследования объяснения происхождения всех рассматриваемых суффиксов, но ведь автор пишет: «Целью нашего исследования является: 1) кратко изложить историю происхождения суффиксов числа, падежей, лично-притяжательных форм имени, степеней сравнения; ...» (стр. 34). Однако кратким изложением вряд ли можно считать упоминание о прафинно-угорском или прауральском происхождении того или иного суффикса. Например, автор не объясняет сложных процессов, которые привели к многообразию окончаний паритива в рассматриваемых говорах (стр. 114 и далее). В то же время отводится место, например, рассмотрению двойственного числа в уральских языках (стр. 37, 46), хотя этот вопрос не имеет отношения к теме.

Такие диспропорции в исторических экскурсах встречаются часто. Но имеются и действительно конкретные примеры исторического анализа суффиксов, например, окончания комитатива *-neh*. Последний мог бы служить примером для такого анализа и остальных суффиксов. Интересным можно считать также исторический анализ компаративного образования и его сопоставление с марийскими данными.

При партитивах типа *lehtë* следовало бы оговорить, что в качестве падежного окончания можно выделить *-ta*, *-tä* лишь условно (как это делается при выделении окончания партитива *-ua*, *-uo*, *-üö*, *-ie*, *-iä*). Неясно, по какой причине при анализе инструктива приводится калининская форма *rinnal* (если *-l* не опечатка) (стр. 139). Автор ничего не говорит о том, что суффиксы *-ssa*, *-ššä* и *-sta*, *-štä* являются лишь фонетическими вариантами падежных окончаний, соответственно, инессива *-ššä*, *-ššä* и элатива *-šta*, *-štä*, выступающими в позиции после (*)*-i*, т. е. опять же отсутствует действительно конкретный анализ истории развития этих падежных окончаний в калининских говорах (стр. 142—145).

А. Пунжина ошибается, утверждая, что Ю. Марк предполагает, что коаффикс *-n*, применяемый в притяжательной сфере, может быть прауральским прешествеником генитивного *-n* (стр. 111). На самом деле, Ю. Марк предполагал противоположное, т. е. генитивный *-n* > коаффикс *-n*- лично-притяжательных суффиксов (последнюю возможность допускаем на основании самодийских данных и мы: A. Küpper, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion, Helsinki 1971 (MSFOu 147), стр. 182). А. Б. Коллиндер ясно высказывает свое мнение: «One might suppose that the oblique *n* is ultimately identical with the genitive ending.» (B. Collinder, Comparative Grammar of the Uralic Languages, Stockholm 1960, стр. 302). (Не будем увлекаться вопросом, какого мнения он придерживался когда-то, как это делает автор диссертации) (стр. 111).

Диссертация А. Пунжиной носит преимущественно описательно-сопоставительный характер. Тем самым одним из главных достоинств ее следует считать приведение новых данных по калининским го-

ворам карельского языка, систематически изложенных и проанализированных, а также определение места этих говоров в рамках как карельского языка, так и прибалтийско-финской группы языков путем сопоставления в них именных категорий. Автор вносит свой определенный вклад в изучение как карельской и прибалтийско-финской диалектологии, так и прибалтийско-финских языков в целом. Рецензируемая диссертация является частью обширной комплексной работы, которая ведется в СССР в области финно-угорской и самодийской диалектологии с целью всестороннего изучения всех наречий и говоров этих языков.

Результаты диссертации будут, несомненно, использованы исследователями как карельского, так и других прибалтийско-финских языков, а также общеуральской диалектологии. Конкретной сферой применения выводов диссертанта является и преподавание карельского языка и карельской диалектологии в Петрозаводском государственном университете. В дальнейшем автору диссертации следовало бы заняться изучением глагольных категорий калининских говоров карельского языка, а также углубить исторический аспект своих исследований. У нас не может быть никаких сомнений относительно целесообразности развертывания исследований в области прибалтийско-финской (в частности карельской) диалектологии: не только малоизученные, но даже довольно полно исследованные наречия и говоры финского, карельского, эстонского и других прибалтийско-финских языков до сих пор таят множество ценных данных, необходимых для познания их строя, истории и современного развития.

Построение диссертации А. Пунжиной хорошо обдуманно, приводится, на наш взгляд, оптимальное количество фактического материала. Хотелось бы сделать лишь некоторые замечания по оформлению диссертации. Автор говорит об одном мордовском языке, в действительности их два: эрзянский и мокшанский. Нет в работе наглядных таблиц (а ведь приводится очень большое количество различных суффиксов и их фонетических вариантов). Автор пишет, что при расшифровке магнитофонных записей использовалась общепринятая финно-угорская транскрипция «в полугрубом варианте» (стр. 36).

Относится ли это и к написаниям типа *külišs, kulmill, tåhkõišs* (правильнее: *küliš, kulmil, åhkõiš*)? Или к *čč*, например, *raččahilla* (= *tštš!*)? Нам кажется, что используемая транскрипция все же не просто общепринятая финно-угорская, несмотря на дополнение «в полугрубом варианте». Следовало бы раскрыть ее сущность, дать некоторым обозначениям объяснение. Имеется также ряд мелких неточностей в ссылках на литературу и в списке литературы.

Диссертация А. Пунжиной содержит новое решение актуальной научной задачи — систематического изложения сведений об именных категориях калининских говоров карельского языка с привлечением данных других говоров карельского языка, других прибалтийско-финских и дальнеродственных финно-угорских языков с целью выявления происхождения, функционирования и семантики указанных категорий.

АГО КЮННАП (Тарту)

В. П. Федотова, Фразеологические единицы в карельском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Петрозаводск 1977.

17 октября 1977 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита диссертации младшим научным сотрудником сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР В. П. Федотовой на тему «Фразеологические единицы в карельском языке». Официальными оппонентами свою оценку этому интересному исследованию дали доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук Ф. Вакк (Таллин).

Диссертация В. П. Федотовой посвящена фразеологическим единицам (ФЕ) карельского бесписьменного языка, причем данное исследование (214 стр.) является первым научным описанием системы карельской фразеологии. Надо подчеркнуть, что в последние десятилетия намечилось известное оживление в исследовании финно-угорской фразеологии, однако несмотря на достигнутые успехи, эта область языкознания продолжает оставаться сравнительно слабо разработанной. Внимание ученых всегда больше привлекали письменные языки, которым и посвящен ряд диссертационных работ (F. Vakk, *Somaatilist fraseoloogiat eesti keeles*, Tallinn 1964; P. C. Ширманкина, *Фразеология мордовских языков*, Саранск 1969; Э. С. Якимова, *Соматическая фразеология в марийском*

языке, Тарту 1975). Фразеология финно-угорских языков, не имеющих письменности, почти совсем не изучена (а ведь из семи прибалтийско-финских языков пять бесписьменные!). Однако именно фразеологизмы представляют собой тот участок изобразительных языковых средств малых языков, на котором редукция и бесследное исчезновение дают о себе знать быстрее и ошутимее. Это положение подтверждают и наблюдения В. П. Федотовой: фразеологией карельского языка пользуются сейчас преимущественно представители самого старшего поколения, сравнительно реже — среднего, в то время как в языке молодежи она почти не встречается.

На основе богатого фактического материала, полученного во время экспедиций и путем изучения опубликованных источников, автором выделены как объект карельской фразеологии, так и своеобразие типов карельских ФЕ. В. П. Федотова ставит перед собой задачу изучить и раскрыть специфические особенности структуры фразеологизмов с семантической и грамматической точек зрения. Большую ценность имеют и приведенные в качестве иллюстративного материала фразеологизмы, которые тем самым вводятся в научный оборот. Значение таких фразеологических исследований трудно переоценить также в плане изучения исторического развития языка. Сравнительное исследование фразеологии, еще почти не нача-